

ЭКСПЕДИЦИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Там, где скоро будет ГЭС

Стремительно течёт Ангара. Стремительно течёт время в поле.

12 июля. Вчера закончен первый огромный раскоп площадью 2600 кв. м. Впереди еще два месяца работы на новом месте, возле деревни Паново в Кежемском районе. Забросить туда отряд в 50 человек очень сложно. Начальник отряда Вячеслав Славинский и передовой десант в составе одного человека второй день в разведке, пытаются добраться до нового места дислокации. Ждём приказа сворачивать лагерь. Время ненадолго остановилось.

Почти от самой плотины начинаются раскопки спасательной археологической экспедиции, работающей в зоне затопления Богучанской ГЭС. Здесь, возле устья таежной речки Коды, раскинулось наше «общежитие». Четыре отряда копают практически один памятник, который тянется узкой полосой вдоль берега Ангары на несколько километров.

В полевой камеральной лаборатории каждого отряда отдельно хранятся самые ценные находки. Они раскладываются на столах, когда археологи рассказывают о своей работе гостям.

Неолит представлен керамикой и каменными орудиями. Топоры и тесаки разного размера, шлифованные и оббитые. Рядом с теслами миниатюрные наконечники кажутся ювелирными изделиями, особенно когда они сделаны из полупрозрачного розового сердолика и кварцита. Но и среди тесел есть два совсем небольших, сделанных из зеленого нефрита. Заготовками послужили гальки размером 3 и 5 сантиметров. Видно, что нефрит ценился, и даже мелкая галька шла в дело. Кроме тесел, найдено всего лишь одно орудие из нефрита — обломок шлифованного ножа шириной 2 см.

Искусство обработки камня сохранилось и в бронзовом веке. Скрепки, ножи, наконечники стрел, дротиков и копий из кремня и халцедона не хуже неолитических. Разделить материал двух эпох поможет керамика. Круглодонные сосуды с отпечатками сетки плетенки близки к серовскому этапу прибайкальского неолита. Сосуды других эпох тоже круглодонные, но у них иной орнамент. В бронзовом веке — ряды выступов от вдавлений круглой палочкой или «жемчужины», как их называют археологи, дополнены косыми рядами оттисков отступающей лопаточки и прочерченными линиями. В раннем железном веке — горизонтальные ряды ногтей оттисков и защипов. Разобраться во всех особенностях керамического комплекса можно только после того, как сосуды будут склеены из десятков черепков. Работа эта кропотливая и долгая, но и она ра-

дует открытиями — обнаружено антропоморфное изображение на сосуде раннего железного века. «Палка, палка, огуречик», — так оценила древний шедевр отрядный художник Маша Сурикова.

Следы литья бронзы встречены в виде капель металла и шлака, но изделий из бронзы только три — трехлопастной наконечник и две одинаковые бляшки из погребения.

Теперь о погребении. Это наша гордость, наша слава, наша удача (как всегда под конец раскопа). Это ответ на находки соседей. А находки у них есть, да еще какие! Но они более поздние, потому о них и расскажу чуть позднее.

Сначала было слово. И слово это было «череп». Когда пришел посмотреть, из песка виднелась только лобная кость. Сохранность плохая. Быстро расчищать такие кости нельзя — нужно дать им просохнуть. Пока бригады заканчивают последние квадраты раскопа, снимаю слой песка над черепом и ухожу. Дальнейшую расчистку возьмут на себя антропологи.

— Бывает и так — находят только череп, — улыбается антрополог Катя Казакова. Но все понимают, что удачу сплунуть легко и терпеливо ждут дальнейших известий.

Первое — в головах над черепом лежит серый кремнёвый наконечник.

После зачистки становится виден край могильной ямы, но в песке потемнение видно очень нечётко, оно размыто. И только когда начинают расчистку костяка, все видят — погребение есть. Второй наконечник из розового сердолика лежит в районе шеи.

На глазницах черепа сохранился прямоугольный кусок бересты. Рядом с ним — зеленоватый налет. Значит, под берестой бронзовое изделие. Такое же яркое зелёное пятнышко возле правой височной кости. Но надо ждать до окончательной расчистки всего костяка.

И вот всё готово для зарисовки, фотографирования и разборки погребения. Рядом с могилкой — две каменных выкладки диаметром около 60 см. Череп лежит лицом вверх. Костяк ориентирован головой на юг. Ноги подогнуты. Отдельные ислещившие кусочки бересты сохранились в разных местах, видимо, это остатки единого берестяного покрытия. Можно начинать. Но вмешивается ангарская погода — мелкая морось нависает над раскопом. Четырем «атлантам» приходится держать заранее приготовленный тент, пока Маша рисует. Остальные работы откладываются.

Следующий день объявлен выходным, но духи Ангары открывают небесное окно, и мы за день успеваем сделать всё. Правда, приходится пожертвовать обедом.

Две одинаковые литые бронзовые бляшки с отверстиями в виде

запятой и ушком с обратной стороны — вот что лежало возле черепа. Возможно, это нашивки на головной убор. Погребенный — мужчина 30—35 лет. Сравнить это погребение, скорее всего, надо с глазковской культурой, но точное определение ещё впереди.

У соседей всё развивалось по классической схеме археологической удаче. Только успел начальник соседнего отряда Григорий Марковский сказать: «Раскоп практически закончен, чем-то народ до отъезда заняться надо», как рикошетом прилетела новость: «Нашли погребение!»

Так сложилось, что на свой раскоп мы ходили через раскоп соседей. И вот возвращаюсь в свой лагерь, дохожу до группы людей в стандартной археологической позе — головой в землю — и даже не успеваю ничего спросить. Девушка поднимает голову от расчищаемого культурного слоя и говорит ту самую новость. Смотрю. И тут же, издав характерный возглас, падаю на колени, присоединяясь к окружающим. На краю обрыва лежит тесак и пять железных наконечников рядом с ним. А внизу — песок и Ангара. Чёрное пятно почти круглое, в нем явно ещё что-то есть. Но по краю оно обрезано обрывом, а ведь там тоже что-то было. После краткого обсуждения и поздравлений иду в свой лагерь. По дороге сообщают о находке. Нужен Олег. Но нашего отрядного «металлиста» нигде не видно. Звоню по мобильнику, объясняю ситуацию.

Через десять минут Олег Черниговский уже ходит с металлоискателем по обрыву. Сначала тишина. Все в напряжении. Запищало. Долго и тщательно Олег ищет в песке предмет. Что-то уж очень долго. И вдруг иголка! Более мелкого изделия Олег ни до, ни после не находил. Второй заход. Все опять в напряжении. Запищало. Увы. Кусок фольги от сигаретной пачки. Все, конечно разочарованы и через минуту десять даже заскулили. Зато третья находка вызвала всеобщее ликование — срезень, железный наконечник стрелы! Олег спускается чуть ниже по обрыву. Что-то находится. Спускаюсь к нему. Круглая коническая бронзовая нашивка с зубчиками по краю. Передаю наверх. Пока все рассматривают находку, Олег продолжает поиск, спускается ниже, а я вспоминаю: «Ты такую уже находил на краю обрыва за лагерь. Там тоже может быть погребение». В ответ слышу писк металлоискателя и через некоторое время: «Монета!». В такую удачу трудно поверить. Но Олег действительно подает мне монету с квадратным отверстием. У меня невольно вырывается: «В прошлом году в устье Коды на раскопе такую нашли!».

С раскопа возвращается наш

отряд, показываю начальнику раскопа Коле Дорофееву находки: «Смотри, китайскую монету нашли, как-то определять надо». Коля посмотрел на четыре иероглифа: «Так у нас же в камералке Настя сидит». Через пять минут востоковед Настя Семкина с ходу определяет: «Кайюань тунбао». Не сразу удаётся запомнить комментарии, но понимаю, что материал древнее, чем первоначально казалось. Жарко, хочется искупаться. Спускаюсь на берег. Вода в Ангаре холодная, быстро снимает возбуждение от находок. Спрашиваю Антона Анохина: «Не знаешь, у кого Интернет есть? Посмотреть время бытования монеты». Антон достаёт мобильник: «Ну вот какой-то сайт... Чеканилась с 621 г. н.э.».

Вечером разговор у палатки начальника, где собрались работающие в отряде сотрудники Института археологии, прозванные «академиками», снова возвращается к находкам соседей. Монеты бытовали около трёхсот лет. Чеканились не только в Китае, но и на территории соседних государств кочевников.

На следующий день Гриша Марковский приходит в нашу камералку. «У нас второе погребение. Металл разрушается». Как говорится две новости: плохая и хорошая. Идём на раскоп. В трёх метрах от первого погребения расчищают такое же, только в нем втульчатый наконечник копья длиной 47 см. На поверхности металл расслаивается. Звоню Галине Константиновне Ревуцкой, опытнейшему реставратору из нашего института. Прошу совета. Через полчаса всё готово, чтобы приступить к закреплению находки. Однако погода на Ангаре переменчива — поднялся ветер, и край обрыва из уютной песочницы превратился в место, где невозможно открыть глаза. Песок, сметаемый кисточкой тут же возвращается на место. Но всё же дело было сделано — наконечник торжественно отнесён в камералку.

При дальнейшей разборке этого погребения была обнаружена небольшая сабля около 40 см длиной и трёхлопастной наконечник стрелы с круглыми отверстиями в лопастях.

В третьем погребении не было крупного холодного оружия, но по устройству и инвентарю оно похоже на первые два. Округлые ямки диаметром около 60 см, заполненные углем и мелкими обломками человеческих костей, впущены с глубины 15—20 см от современной поверхности. Около ямок по одному крупному плоскому камню. Глубина самих ямок не превышает 15 см. В них — изделия из бронзы: четырёхлепестковые и круглые бляшки, ажурные подвески, накладки на пояса, прямоугольные нашивки с отверстиями, спиральные серьги из проволоки. Часть предметов опла-

лены, от чего-то остались только мелкие бронзовые шарики. Железные предметы — наконечники и ножички разных форм, вилка, огнива, трубочки-пронизки — местами покрыты красными пятнами, вероятно, от прокалывания в огне. Всё говорит об обряде трупосожжения.

Четвёртое погребение оказалось большим сюрпризом. Олег с металлоискателем проверил всю поверхность раскопа, показав места, где был металл. Там и обнаружили два погребения. Прибор среагировал и на брошенный на берегу железный трос толщиной 6 см., который тянется через весь раскоп под деревом. Вот под ним-то и скрывался палаш с односторонней заточкой (67 см), а рядом втульчатое копье с крючками (52 см).

Рассматриваем погребение «с тросом». Звук моторной лодки. С скорости летящей «Казанки» с мощной «Ямахой» сразу узнаем Павла Мандрыку. Его отряд стоит ближе к устью Коды. Павел осматривает погребение: «У нас таких больше двадцати. Материал и устройство похожи. Встречаются более поздние вещи. И оружие есть. Разбираем потихоньку. Ну что, приступим?». Пока начальник четырёх отрядов тщательно разбирает погребение, внизу идет промывка грунта через сито. И не зря: нашли мелкий рыболовный крючок, почти как современный.

Наконец, погребение разобрано. Высказаны гипотезы и предположения о том, кому могут принадлежать найденные могильники. Больше всего параллелей с енисейскими кыргызами.

Нижняя Ангара в археологическом отношении изучена слабо, хотя регион очень интересный — зона контактов степных и таежных народов.

Находки ждут дальнейшего тщательного изучения, а нас ждёт новый археологический памятник.

Раскоп закончен! Да здравствует раскоп!

Кирилл Милютин, Пановский отряд экспедиции ИАЭТ СО РАН, Красноярский край, Кежемский район

